

С.Н.Пшизова

ГЛОБАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ И СОВРЕМЕННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В РОССИИ И В МИРЕ

Политические институты на рубеже тысячелетий.

(Отв. ред. Холодовский К.Г. Дубна: Феникс+ 2001.

ФЕНИКС

Старое правило гласит: хороший рецензент говорит о том, что есть в работе, на которую он пишет отзыв, а плохой – о том, чего там нет. Однако даже при самом искреннем желании быть рецензентом хорошим, это – увы! – удастся далеко не всегда – по причине скромности содержания того, что порой рецензировать доводится. С рассматриваемой книгой такого рода трудностей не испытываешь – напротив, материала, достойного внимания, здесь более чем достаточно. Конечно, разбор работ столь высокого уровня академизма не сулит легкого хлеба, однако богатство содержания этого высококвалифицированного и во многом новаторского для нас издания вызывает желание высказать некоторые соображения по существу затронутых в нем вопросов.

В первом из трех разделов книги рассматриваются общетеоретические проблемы, второй содержит материалы страновых и региональных исследований, третий посвящен России. Однако российская проблематика пронизывает весь сборник. По сути дела перед нами компаративистское исследование, в котором главную роль играет сопоставление современных политических процессов в России и развитых странах Запада (а также Японии). И уже это свидетельствует о том, что общий подход авторов к рассмотрению политических институтов не традиционен для отечественной науки. Как отмечается в предисловии, «перспективы дальнейшего развития российских политических институтов невозможно понять, не обращаясь к тому общемировому контексту, в котором происходили и происходят российские политические реформы» (с. 4).

А ведь совсем недавно необходимость, полезность и даже правомерность сопоставления постсоветских реалий с процессами, происходящими в высокоразвитых демократических странах, приходилось доказывать. В нашей науке почти безраздельно господствовал тезис: «нам до их проблем еще развиваться и развиваться». Ответы на вопросы российской политики было принято искать не в настоящем, а в прошлом западных демократий. Между тем недооценка современного состояния мировой цивилизации в целом не в меньшей степени искажает наши представления о перспективах развития российского политического процесса,

чем пренебрежение спецификой исторического развития нашей страны. Рецензируемая работа убедительно показывает, сколь плодотворным может быть внимание к общим – оказывающим глобальное воздействие – современным (или постсовременным, в зависимости от интерпретации) факторам трансформации политических институтов на рубеже тысячелетий: «Речь идет прежде всего о **глобализации**, резко интенсифицировавшей мировые связи, быстро превращающей планету в единое экономическое и информационное пространство» (с. 5).

Тема глобализации присутствует во многих статьях книги, хотя раскрывается авторами по-разному. Метатеоретический уровень представлен статьей В.В.Лапкина. Он пишет о становлении «универсальной цивилизации», рассматривая ее как продукт кризиса цивилизации западноевропейской, выхода последней за свои собственные пределы. Происходит продвижение элементов западной цивилизации (прежде всего техники и технологии, а также политических форм современной демократии) в новые социокультурные регионы. Этапом становления «универсальной цивилизации», по мнению автора, стало крушение двухполюсного мира, позволившее «выявить скрытый доселе потенциал двуединого процесса модернизации-глобализации» (с.20). Однако вопрос о том, найдут ли конструктивное разрешение «генетически обусловленные противоречия западноевропейского модернизационного проекта», станет ли «Обретение Современности действительно универсальным и действительно глобальным феноменом», автор, по сути, оставил открытым (с. 25).

Ответ на него не в последнюю очередь зависит от нашей страны. Ведь если Россия не сможет интегрироваться в «универсальную цивилизацию», человечество ожидает режим «глобального апартеида» и в конце концов – глобальный политический взрыв» (с.26). Между тем упорное сопротивление самобытной российской цивилизации «органичному восприятию модернизирующих ее импульсов», с одной стороны, и игнорирование того обстоятельства, что Россия не может интегрироваться в «универсальную цивилизацию» без учета отличной от Запада цивилизационной специфики – с другой, уже приводит к драматическому непониманию с обеих сторон» (с. 26).

Не считая для себя возможным вмешиваться в историко-методологические дискуссии специалистов, хочу отметить важный, на мой взгляд, посыл, содержащийся в предложенной концепции. Не только развитие стран и регионов (как лидеров модернизации, так и всех прочих), но и вектор глобализации определяются сегодня взаимодействием, взаимовлиянием и взаимовосприятием друг друга всеми участниками мирового политического процесса. Учет глобальных тенденций современности становится важнейшим условием разработки адекватной и эффективной стратегии

национального и мирового развития. Этот посыл задает параметры обсуждения нынешнего состояния и перспектив политического развития, как на системном уровне (глобальная демократизация), так и на уровне отдельных институтов.

Статья Г.Г. Дилигенского «Демократия на рубеже тысячелетий» открывает обсуждение проблемы, которой посвящена значительная часть книги, – «продвижению политических форм современной демократии в иные социокультурные регионы». В статье содержится глубокий анализ «российского казуса демократизации», а также критика методологии институционального детерминизма. Особенно важной представляется попытка автора «укоренить» тезис о том, что лидерство в период реформ оказалось неадекватно задачам, стоявшим перед страной.

А могло ли быть иначе? Автор посвятил не одно фундаментальное исследование ментальности нашего общества. Хочется заметить, однако, что у нас как-то не принято примерять параметры массового сознания к элите. Едва ли не всякий раз, когда в публикациях или выступлениях характеризуется поведение современной российской «элиты», складывается впечатление, что речь идет исключительно о недостойных людях – то ли засланных к нам из-за рубежа (причем, видимо, из-за рубежа самого некудышного), то ли прилетевших из космоса, – они не по праву управляют народом, своеобразным, но во всех отношениях достойным лучшим. Между тем стоит вспомнить, что эти «пришельцы» – тоже сугубо «свои», *постсоветские* граждане, которые не без помощи наших же коллег, подвигающихся на поприще политтехнологий, поднимаются на вершины власти. И ведут себя там, наверху, они примерно так же, как привыкли будучи внизу, – то есть как большинство «народа». Соответственно, легко догадаться, почему так нередки среди них привычки воровать, лгать, не отвечать за свои слова и поступки и т.д. Этого простого, хотя и не очень приятного соображения, вполне достаточно для того, чтобы перестать не только тешить себя образом замечательных граждан (избирателей), несправедливо управляемых нехорошими правителями, но и надеяться на скорую смену правящей элиты на лучшую. Ответы на вопросы «кто виноват» и «что делать» теряют соблазнительную очевидность. «Главным источником авторитаризма в российском обществе является не система формальных институтов, а привычные методы осуществления власти всеми реально обладающими ею лицами и группами. А его главным резервом – слабость демократических компонентов как в общественном сознании, так и в поведении политических элит» (с.43). Это очень важная и аргументированная констатация, с которой трудно спорить.

А вот по поводу другого тезиса автора хочется возразить: «Уровень демократического развития России во многом схож с тем, который был характерен для многих европейских стран на

ранних этапах их капиталистической модернизации и генезиса индустриального общества». Автор, пессимистически оценивая перспективы «глобальной демократизации» (и вполне резонно, надо заметить), по сути дела отвергает влияние глобализации на политическое развитие. Отсюда его вывод о том, что анализ «новой стадии развития демократии в рамках ее традиционного цивилизационного, т.е. западного, ареала» «мало что может сказать о перспективах демократии как всеобще-стадиального, глобальностадиального явления» (с. 30). Совсем наоборот! Состояние демократии «в рамках ее традиционного ареала» – один из факторов, определяющих перспективы «глобальной демократизации». Ведь сейчас «в транзите» находятся не только вчерашние диктатуры, но и «вчерашние демократии». Об этом красноречиво свидетельствуют материалы многих статей рецензируемой книги, особенно ее второго раздела: об изменениях в избирательном процессе США (В.И.Борисюк), о конституционной реформе в Великобритании (С.П.Перегудов), о политической системе объединенной Германии (М.Д.Диманис), о переменах в общественно-политической жизни Франции (А.А.Преображенская), о трансформации политической системы Италии (И.Б.Левин). Напрашивается вывод о том, что мы имеем дело с процессом *глобального изменения*, обладающим единством и всеобщностью. И при этом отнюдь не предreshено, как справедливо замечает Г.Г.Дилигенский, что оптимальные ответы на новые «вызовы» будут находить наиболее демократические по сегодняшним меркам страны (с.34).

Кстати о мерках. Именно от толкования понятия «демократия» во многом зависят наши оценки тех или иных политических процессов. В рассматриваемой работе демократия понимается в сущности как «движение от хорошего к лучшему» – позиция весьма распространенная. Такой «стадиальный подход», коренящийся в социально-философской традиции, позволяет сопоставлять «демократию середины XIX в.» и начала XXI как этапы количественного наращивания единого качества. Но при таком подходе фактически утрачивается политический и политологический смысл самого понятия «демократия». Если же под «демократией», по мнению Дилигенского, понимать не общие принципы, а конкретную модель политико-правовой институциональной системы, функционирующую в современном западном обществе, то произойдет «окостенение, догматизация понимания демократии, ведущие к искажению исторической перспективы» (с.28). Но если этого не делать, – позволю себе возразить автору, – потеряются определенность, историческая конкретность и практический смысл понятия «демократия» как аналитической категории. «Знакомая» нам «демократия» возникла совсем недавно. В Великобритании еще в 1868 г. число граждан, обладавших правом голоса, увеличившись после очередной избирательной реформы в

четыре раза (!), достигло всего лишь 16,4 % взрослого населения, избирательное право было цензовым, а партии, по определению классиков, носили характер «придворных клик». Конечно, во избежание «окостенения и догматизации» понятия «демократия», можно и дальше двигаться по пути исторической ретроспективы, обнаруживая едва ли не на любом участке оси времени «общества, обладающие институтами, позволяющими им в той или иной степени влиять на власть и политику (хотя это влияние неравномерно распределяется по различным социальным группам и различным сферам политических решений)» (с.28). Однако не будет ли более продуктивным в политологическом исследовании говорить об исторически конкретных формах демократии, определенных политических феноменах, а не о принципах, которые либо могли (и могут впредь) обосновывать самые различные по своей сути политические режимы (включая противоположные друг другу по содержанию), либо вообще никогда не воплощались на практике. Такое стремление к исторической конкретности создает, конечно, определенные трудности, поскольку не позволяет беспечно именовать почтенным словом *демократия* все, что может получиться в результате переживаемых ныне трансформаций. Но если результаты этих трансформаций (которые уже сегодня явно не похожи на старую добрую систему *массовой представительной демократии*) пока нельзя точно описать, то, может быть, стоит ограничиться констатацией возникновения некоего нового *постдемократического* политического устройства с тем, чтобы отличить его от всего, что было прежде? Впрочем, это – лишь одно из возможных предложений¹.

¹ Подробнее см.: Пицзова С. Н. Демократия и политический рынок в сравнительной перспективе // Полис. М., 2000. № 2,3.

Пока что распространенным является, например, противопоставление двух типов демократии – «электоральной» и «либеральной». В статье В.И.Пантина, представленной в обсуждаемом сборнике, вывод западных исследователей о продолжающемся упрочении *электоральной* демократии при застое в развитии демократии *либеральной* становится отправной точкой анализа перспектив глобальной демократизации в условиях «отлива» ее третьей волны. Исследователь акцентирует внимание на колебательной и волнообразной составляющих процесса утверждения и развития демократии (с.397). Отмечая негативные проявления процессов глобализации, он указывает на возможность дестабилизации всей системы международных экономических и политических отношений. По мнению ученого, «не только «новые демократии», но даже и некоторые развитые страны Запада, принадлежащие к «центру» капиталистической мир-системы, вряд ли смогут в ближайшее время или в недалеком будущем избежать определенных кризисных и дестабилизирующих политических явлений, которые в целом не способствуют развитию либеральной демократии» (с. 398-399). Обращает на себя внимание не

только этот осторожный вывод автора, но и общая постановка проблемы. В.И.Пантин говорит о возможности вырождения демократии в различного рода автократии с прежними по форме, но не по содержанию политическими институтами, которые постепенно утрачивают свою демократическую сущность и приобретают совершенно иной характер (с. 400).

Выбор образцов политических институтов и властных отношений присущ, по всей видимости, едва ли не всем временам. Нынешний процесс «глобальной демократизации» актуализировал фундаментальную проблему соотношения политической формы и ее содержания. Почему что-то (и именно оно) вырывается из контекста и переносится на новую почву? Дистанция между восприятием образца субъектами переноса и его реальным воплощением может быть весьма значительной. Какие факторы определяют трансформацию переносимой модели? Что-то отторгается объективно («почвой»), вопреки воле реформаторов, что-то отвергается осознанно самими реформаторами, что-то меняется в процессе рецепции. Насколько соответствует ожиданиям результат политической «трансплантации»? Эти и другие связанные с ними вопросы требуют не то чтобы скорых ответов, но по крайней мере внимания со стороны политической теории. Рассматриваемая работа подтверждает их уместность, и в этом одна из ее заслуг.

Именно под таким углом зрения интересен пример Японии, описанный в статье С.В.Чугрова. Так как в этой стране типично восточная политическая культура действуют в рамках западных институтов, насильно привнесенных в страну в условиях американской оккупации, автор пытается ответить на вопрос: «каким же образом, интегрировав западную систему ценностей, Япония не утратила самобытности своего мышления?».

Иные варианты рецепции западного опыта рассмотрены К.Л.Майдаником в работе о «ловушках периферийной демократизации». Акцент автора на специфике политического развития институтов за пределами «золотого миллиарда» важен как раз своей соотносительностью с глобальными тенденциями. Сопоставляя «оптимистические факторы» глобализации с контртенденциями, исследователь отмечает: «По-прежнему военно-политические, финансовые и криминальные моменты глобализации намного обгоняют ее правовые, институционные, демократические процессы...» (с. 393). Вывод его тем не менее крайне осторожен: «Так или иначе, сегодня, на стыке веков и тысячелетий, прогнозы будущего политической демократизации (и демократии) в регионах «не-Запада» могут быть только вероятностными» (там же).

Более жесткая, закрытая исследовательская парадигма лежит в основе так называемой транзитологии. Практически исчерпывающую информацию о «последних достижениях» этого направления исследований можно почерпнуть из статьи Г.И.Вайнштейна

«Закономерности и проблемы посткоммунистических трансформаций». Хотя такой добротный обзор новейшей западной транзитологии, по-моему, все-таки лучше сочетать с анализом тех работ (появившихся уже в немалом числе), которые оспаривают эту концептуальную схему. Тогда аутентичное изложение транзитологических концепций обогатится их основательной критикой. Как то, так и другое имеет право на существование, а их сочетание серьезно углубляет наше понимание проблем посткоммунистических стран.

Не пересказывая уже опубликованных критических аргументов, хочу все же выразить сомнение (просто как современник и заинтересованный наблюдатель, живущий внутри переживающей «транзит» системы) по поводу некоторых тезисов уважаемых транзитологов, изложенных (и как бы молчаливо одобренных) в рассматриваемой статье. К примеру, сложный вопрос о соотношении политики и экономики получает, как мне кажется, упрощенное, в плане социальной практики, решение как чисто абстрактная теоретическая проблема, поскольку предлагается сначала провести демократизацию, а затем дополнить ее экономическими преобразованиями (с. 151). Создается впечатление, что речь идет не о социальных системах, тем более не о тоталитарной их разновидности (пусть даже с приставкой «пост-»), а об искусственных конструкциях, которые можно собирать и разбирать по усмотрению теоретика. Это особенно странно потому, что чуть выше автор описывает, какие трудности испытывает транзитологическая парадигма в поисках опор для консолидации демократии.

Интересен и факт обращения современной политической теории к поиску путей построения «демократии – без демоса». Это характерно и для той части западной политической науки, которая исследует переходы недемократических систем к демократии, и для отечественных исследователей, работающих в рамках той же парадигмы. Согласно этим построениям, в не-западном мире переход к демократии и ее консолидацию должны обеспечивать элиты, вступающие между собой в сговор (или заключающие пакт). Предполагается (хотя не всегда ясно формулируется), что готовность, желание и вообще какое бы то ни было участие масс в этом процессе не просто необязательны, но даже и не желательны. Появившиеся в последние годы теории «развенчания идеи гражданского общества» (с. 167) – очередной шаг в этом направлении. По мнению К.Л.Майданика, новейшие «неолиберальные демократии» «не-Запада» вообще нацелены на закрепление и усиление демобилизованности (атомизации, апатии, пассивности) масс. Установка на «демократию низкой интенсивности», «демобилизованную демократию», полагает исследователь, становится попыткой совместить видимость демократических норм и институтов с исключаяющей их социальной политикой и делегированием реальных функций управления мировому рынку (с. 391).

Единственное, что до сих пор мешало логическому завершению этой политической конструкции – это традиционное требование обязательных всеобщих выборов. Если же дополнить построения западных транзитологов простодушной отечественной концепцией «управляемой демократии», противоречие снимается и модель достраивается до конца. Естественно, вопрос о легитимности режимов, возводимых на фундаменте элитных пактов, практически даже не ставится.

Вполне закономерным следствием такого подхода является отмеченная В.И.Пантиным непроясненность вопроса об эффективности демократических институтов в теории модернизации и большинстве теорий «демократического транзита» (с.402). Между тем, по мнению исследователя, «ключевой проблемой, от решения которой во многом зависит эффективность демократических политических институтов, является придание этим институтам социальной направленности, возможность с их помощью осуществлять социальную политику в интересах достаточно широких слоев населения. В тех странах, где удавалось обеспечить подобное сочетание демократических институтов с сильной социальной политикой, эти институты обрели необходимую легитимность и устойчивость, что делало их в итоге эффективными» (с. 404). Возможно, здесь предлагается более продуктивный способ оценки режимов, возникающих в посткоммунистических странах, чем «идеал совершенной демократии», предложенный Вайнштейном (с. 442).

Однако главное, что, на мой взгляд, характеризует подход транзитологов, – это известная линейность, невнимание к взаимодействию переносимых извне политических форм с автохтонным контекстом. Глобализация понимается как процесс однонаправленный, современное развитие западной цивилизации в ее собственных формах практически выносятся за скобки транзитных процессов. Между тем формирование глобального сообщества – не есть механическое расширение западного влияния. Как отмечает С.П.Перегудов, анализируя эволюцию британской политической системы, «третья волна демократизации представляет собой нечто более сложное и масштабное, нежели чисто количественную и территориальную ее экспансию» (с. 283). Сравнение тенденций развития разных частей современного мира может существенно скорректировать общемировую картину. Взаимодействие различных контекстов дает порой неожиданные результаты, векторы влияния могут быть разнонаправленными. К примеру, в книге (правда, в другой статье) изложена мысль о возможном «обратном влиянии «переходных» режимов на гордые своей историей «классические» демократии» (с.80). На мой взгляд, она не только не является нелепой (автор, К.Е. Холодковский, опасается, что так ее могут воспринять на Западе), но и заслуживает

пристального внимания и отдельного обсуждения. Для транзитологии же такая постановка вопроса действительно представляется немислимой. А жаль. Жесткое целеполагание и отсутствие открытости в социальном исследовании могут быть поняты и даже этически оправданы, однако следует признать, что они не способствуют объективному анализу всех существующих возможностей.

Не случайно, последние изыскания транзитологов очень напоминают изощрения советского обществоведения, пытавшегося объяснить затягивавшееся пришествие коммунизма необходимостью новых и новых этапов на пути к нему: сначала «построение основ», потом ожидание «полностью и окончательно» построенного, затем «развитого»... Если бы советская система не была демонтирована, видимо, были бы теоретически обоснованы и еще какие-нибудь этапы «большого пути». В концепциях транзитологов место коммунизма занимает либеральная демократия, но общий принцип, похоже, примерно тот же. Достижение (рано или поздно) некоего нормативного образца не подвергается сомнению. Правда, в данном случае образец, вроде бы, не столь утопичен и даже имеет конкретное историческое воплощение. Однако, будучи вырван из контекста Современности (а значит и процесса глобальных взаимодействий и трансформаций), он приобретает черты мифологемы.

Разговоры о «диверсификации демократии» (с. 413) мало помогают, потому что они по сути дела лишь маскируют принципиальные различия между политическими формами, скрывающимися под единой «демократической крышей». Это своего рода заговаривание действительности. Слово «демократия» как обязательная часть характеристики множества весьма различных по своей сущности режимов, порой сходных между собой только внешне: по характеру некоторых процедур, не дает увидеть более существенные их черты. В результате становится возможным говорить, например, об «авторитарной» или даже «антинародной демократии». Когда авторитетнейшие западные транзитологи пишут о «множестве типов демократических режимов» (не форм правления, правительств, парламентов, избирательных систем и т.д., а именно режимов!) (с. 421), есть смысл задуматься об аналитической ценности употребляемых категорий.

Если же выйти за рамки транзитологической парадигмы и обратиться к анализу трансформации «демократического образца» на его собственной почве, можно увидеть совсем иные интерпретации последствий глобализации. Предлагаемая читателю книга позволяет это сделать.

Статья Н.В.Загладина «Проблемы демократии в современной политической мысли США» лишь отчасти посвящена конкретным теоретическим разработкам заокеанских политологов.

Скорее, речь идет об американской версии «феномена, общего для всех высокоразвитых демократических стран, связанного с исчерпанием прежней парадигмы демократии» (с. 177). Падение доверия граждан к демократическим институтам, корпоративизация и рост нового неравенства рассматриваются многими американскими учеными как продукты глобализации. Они активно поддержали тезисы знаменитой статьи бывшего президента Европейского банка реконструкции и развития Ж.Аттали «Крах западной цивилизации» о неблагоприятном влиянии глобализированной экономики на функционирование демократических институтов. Ряд политологов считают, что «в последние годы происходит универсализация не столько демократических ценностей, сколько рыночной экономики, американской культуры массового потребления, которая в своей основе отнюдь не демократична» (с. 179). Разворачивающаяся дискуссия о судьбе «глобального гражданского общества», об усилении национального контроля над международными структурами не дает однозначного ответа на вопрос о перспективах развития демократических институтов в контексте глобализации, считает Загладин.

Тема легитимности современных демократических режимов затронута в исследовании В.И.Пантина и В.В.Лапкина. В качестве критерия легитимности выбрано взаимодействие политических институтов и общественного мнения. Авторы полагают, что проблема «прозрачности» этого взаимодействия, «т.е. способности адекватно передавать запросы общественного мнения к политическим институтам, не искажая их и не подменяя узкогрупповыми запросами», «имеет ярко выраженное практическое значение» (с. 103). Отсутствие эффективно функционирующих каналов взаимовлияния между институтами и гражданами чревато социальными и политическими потрясениями. В периоды трансформации политической системы вопрос о признании большинством населения необходимости и целесообразности как новых институтов, так и изменяющихся старых стоит особенно остро. Как показано в исследовании, это касается и постсоветской России, и Европейского Союза. Статья заставляет всерьез задуматься о том, в какой мере *представительными* являются институты *современной представительной демократии*. Ответ принципиально важен в условиях «глобального транзита» и требует дальнейших исследований.

Тема Европейского Союза как одного из вариантов «новой модели политической системы» затронута и в исследовании И.С.Семененко. Сопоставление современного европейского опыта с российским позволяет увидеть неожиданные черты сходства в функционировании их политических институтов. Характерна, к примеру роль лоббизма. В условиях, когда и на уровне ЕС, и в России «ключевыми действующими лицами в процессе взаимодействия

общества и власти» являются группы интересов, именно лоббизм становится доминирующим каналом продвижения интересов (с. 252-253). Необходимость создания альтернативы лоббистским формам воздействия осознается в обоих случаях как проблема обратной связи между политическими институтами и обществом, хотя решается она по-разному.

Другие материалы сборника, посвященные конкретным политическим институтам (таким, как партии, группы интересов), позволяют увидеть различные варианты «трансформации образца» как на его собственной почве, так и в других контекстах (прежде всего российском).

Одному из направлений развития современных политических систем – нарастанию влияния крупных корпораций в политической жизни («корпоративному перевороту») – посвящена статья С.П.Перегудова. Недовольство западного общества нынешним состоянием демократии и ее институтов инициирует новые концепции («общества соучастия», «общества всеобщей включенности»), нацеленные на увеличение числа участников демократического процесса и ограничение власти финансовой олигархии. Практические перспективы внедрения этих подходов, однако, неясны, тем более, что «существенным ограничителем здесь могут стать процессы глобализации, особенно если они будут по-прежнему основываться на принципах «чистого рынка», жесткой конкуренции и абсолютизации суверенитета собственников» (с.52).

Но может ли система «функционального представительства» и внутрикорпоративной демократии в принципе компенсировать упадок традиционных демократических институтов, вызванный утратой эффективности контроля над властью имущими снизу и ростом отчуждения, о которых пишет Перегудов? Система политических отношений, опирающаяся на «корпоративное гражданство», отнюдь не всегда совместима с традиционными политическими формами гражданского общества. Приводимые в статье данные о социальной политике крупных российских корпораций свидетельствуют как раз о становлении (конечно же, в гораздо более откровенных формах, чем на Западе) эффективных способов контроля руководства корпорации над персоналом при помощи социальной политики. Дело не только в том, что доля наемных работников (включая физических лиц, не работающих в компании) в акционерном капитале ЛУКОЙЛа, например, составляет всего 4,2%. Замечателен пример внутрикорпоративного профсоюза. Вместо организованных групп интересов, опосредующих отношения между управляющими и управляемыми, оказывающих давление снизу на властные структуры, мы наблюдаем использование профсоюзов как инструмента корпоративного правления, проводника властных импульсов сверху вниз.

Исследование деятельности корпоративных структур и организованных интересов в широком контексте социокультурных трансформаций продолжает статья И.С.Семененко. «Постепенное превращение сферы культурного потребления в поле «возделывания» массовых культовых феноменов», «макдональдизация», а также протест против потребительских стереотипов привели «к снижению потребности в самоидентификации с большими группами» и «стимулировали деятельность объединений по интересам неполитической направленности» (с. 85-86). Однако эти многочисленные, но мелкомасштабные неполитические инициативы не могут сравниться по влиянию с корпоративными, элитными, узкогрупповыми интересами, навязывающими стереотипы стиля жизни и культурного потребления (с. 98). Переструктурирование социокультурного пространства становится таким образом основой реформирования пространства политического. Очевидно, что отмеченные автором тенденции не свидетельствуют (во всяком случае однозначно) в пользу «глобальной демократической перспективы». «Неравновесность в представительстве и продвижении интересов работает против демократии в ее традиционном понимании», – пишет Семененко (с 99). «Качественные характеристики предлагаемого «культурного продукта» и сами механизмы его продвижения на рынок культурного потребления не стимулируют самостоятельности в поведении и в выборе потребителей-граждан демократического общества. Видимость свободного решения подменяется реальностью навязанных стилей мышления и стереотипов, складывающих фундамент политической культуры “управляемых”» (с. 98) При этом растущее отчуждение массовых групп от политики характерно как для традиционных западных либеральных демократий, так и для обществ, переживающих период модернизационных сдвигов (с. 99). Но если на Западе в поисках выхода рождаются новые формы культуры участия в виде инициатив на уровне «коммьюнити», то в России, по мнению исследовательницы, группы интересов выполняют функцию связующего звена между властью-патроном и населением-клиентом. Механизмы такого взаимодействия весьма выразительно показаны в статье на примере Москвы.

Организациям-посредникам между гражданами и властью посвящены три статьи книги. Исследование К.Г.Холодковского «Партии, кризис или закат»⁹ самым названием определяет рамки ведущейся дискуссии о современном состоянии этого важнейшего института представительной демократии. Автор, однако, не разделяет пессимистических оценок будущего партий, хотя, судя по обширному материалу, приводимому в работе, оптимизму взяться, собственно, неоткуда. Однако позиция исследователя определяется его отношением к партиям как к «одной из несущих конструкций современного общества» – практически безотносительно

к их конкретной роли в политической системе. При таком подходе даже если партии утратили большую часть именно тех функций, «которые в наибольшей степени делали их представителями гражданского общества», это «вряд ли может быть достаточным поводом для заключения об их закате как политического института» (с. 69). Но ведь если всерьез «отвлечься от функций», то партии можно считать вообще практически вечным политическим институтом. Они существовали при Перикле и Цицероне, «партиями» именовались средневековые гвельфы и гибеллины, «партии» можно обнаружить в XVIII в. не только в Англии, но и при русском дворе, и т.д. Как и в случае с «демократией», заключение о судьбе партий зависит от толкования понятия «политическая партия». Если, например, единственным обязательным атрибутом представительной демократии считать выборы, то превращение партий в «полугосударственные агентства» может рассматриваться вовсе не как закат, а, напротив, как расцвет. Но стоит ли затемнять таким образом принципиальные отличия партии как одного из важнейших институтов политического представительства от «электорально-профессиональных» организаций, которые «озабочены преимущественно организационно-техническими аспектами избирательных кампаний» (с.72)? Такие организации предполагают совсем иную модель политической системы в качестве среды своего обитания. Концепция «партии-картеля», на которую ссылается автор, в сущности и описывает целостный процесс картелизации современных демократий, формирования картелизованных политических систем. Тем самым подчеркивается иное позиционирование партий относительно гражданского общества, их расположение внутри единого правящего картеля. Судя по материалам книги, и Россия отнюдь не чужда этой тенденции.

Обстоятельный анализ состояния российских партий приводит Н.К.Кисовскую к закономерному выводу: «Итак, ни по существу, ни по функциям партии в РФ не стали важнейшим элементом государственного устройства и проводником демократических ценностей в общество. Они не смогли приобрести достаточно сил, чтобы составить конкуренцию властным структурам, что предопределило сохранение элитарного характера политики, ее замену подкованной борьбой кланов и практически полное отчуждение граждан от власти» (с.461). Тем не менее не исключено, что это лишь «начальный этап транзита». «При определенных обстоятельствах и в России возможно усиление роли партий и приближение политической системы к образцам Центральной и Восточной Европы, а также Запада. Для этого прежде всего необходимы экономический рост и институциональная реформа в направлении создания президентско-парламентской республики» (с.462). Однако, имея в виду все, что пишут авторы книги о современных тенденциях развития партий как политического института, а также упоминавшийся

вызов глобализации, хотелось бы уточнить, о приближении к каким именно образцам идет речь?

Открытым остается вопрос о будущем российских партий и Холодковский: «Нет никаких оснований сомневаться в том, что в той мере, в какой представительная демократия будет развиваться в России, будут развиваться и партии. ...Развитие их будет зависеть как от множества внутренних факторов, так и от влияния мирового опыта, в особенности современного» (с.80). Это в высшей степени «академически взвешенное» суждение провоцирует еще один вопрос – сродни тому, что был поставлен чуть выше: учитывая «современный мировой опыт», в каких формах (в том числе партийных) можно ожидать *сегодня* становления «представительной демократии» в России? Какие факторы позволяют надеяться на развитие *современной* российской политической системы в этом направлении? Думается, что работы зарубежных и отечественных ученых, в том числе и результаты коллективных усилий авторов рекомендуемого вниманию читателей труда, позволяют более определенно говорить о том, чего можно ожидать в будущем, а чего – нет.

Гораздо большая определенность описания перспектив развития российских политических институтов характерна для работы Левина. Его статья посвящена анализу партийной-политической системы России как единого целого и выстроена логически четко и достаточно жестко. Это почти образец политической геометрии. Используя аналитические конструкции, описывавшие партийную систему Первой итальянской республики, ученый предлагает концептуальную схему для объяснения взаимоотношений акторов российской политической сцены. По его мнению, «отказ от выращивания динамичной, высококонкурентной двухполюсной партийной системы, основанной на принципе ротации, следует воспринимать как сознательный выбор «политического класса» России, т.е. совокупности правящих элит» (с. 469). По этой причине раз за разом осуществлялись попытки навязать искусственную лево-правую конструкцию, состоящую из противоборствующих, но не слишком угрожающих власти партий. Наконец, после последних парламентских выборов комбинация удалась: «Россия получила формально двухблоковую систему: с выборами, свободой печати, конституционными правами и прочим, но такую, где власть накрепко привязана всегда к одному плечу «коромысла» (с. 470). Отечественный вариант «несовершенной двухпартийности» с «блокированным, заклиненным механизмом чередования партий у власти» и специфической асимметричностью, помимо того, что влечет за собой негативные последствия, известные по опыту других стран, стал инструментом, способным «перемолоть любого из возможных соперников на национальной политической сцене» (с. 477-478). В отличие от

коллег, Левин полагает, что «точку расходящихся дорог» страна уже прошла. Сделанный выбор означает вполне определенные последствия, к каковым относятся, по мнению исследователя, «дальнейшее подавление либерально-демократического импульса» и движение страны по пути «авторитарной модернизации» (с. 478). Пожалуй, стоит все-таки отметить, что «этикеточный» характер наших партий (кроме КПРФ) и крайне персонифицированный тип политических отношений оставляют все же возможности для самых неожиданных ходов политической режиссуры.

Таковы лишь некоторые мысли, возникающие у заинтересованного читателя при изучении столь богатого разнородным содержанием труда. Впрочем, у другого читателя возникнут, вероятно, и иные темы. Способность вызвать дискуссию – это, судя по всему, вообще самое ценное качество научной работы в нашей области знания. Сами авторы коллективного труда далеко не едины в своих подходах и оценках, что является несомненным достоинством – особенно сегодня, когда представления о мире должны также серьезно меняться. Рецензируемая работа показывает, что в состоянии движения, переходности вслед за политическими институтами вступила и наша политическая наука. Принципиальная плюралистичность, парадигматическая подвижность и восприимчивость к новым фактам и интерпретациям должны стать залогом более глубокого осознания происходящего. В отличие от реальных политических процессов, перспективы которых не ясны и могут быть оценены по-разному, движение научной мысли – нелегкий, порой мучительный, но, без всякого сомнения, плодотворный и поэтому положительный процесс. Книгу о «глобальном транзите» политических институтов на рубеже тысячелетий хочется, безусловно, приветствовать и рекомендовать читателю – как лучшее свидетельство идущего на наших глазах глубокого «интеллектуального транзита».